

РАЗДЕЛ III

ЯЗЫКОВАЯ КУЛЬТУРА

УДК 13+37.0

А. А. Чернобров

«ШКОЛЬНАЯ» И НАУЧНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ЯЗЫКЕ

Терминология как научная проблема важна и интересна с нескольких точек зрения.

Философский уровень. Что значит правильно назвать вещь, явление? Могут ли слова правильно именовать явления? Помогает ли имя (термин) познать само явление? Являются ли термины произвольными и до какой степени?

Логико-лингвистический уровень. Какие термины можно назвать языковыми, а какие – внеязыковыми? Какие логические признаки понятия необходимы и достаточны? Какие компоненты понятия являются «естественными», и универсальными, а какие – культурно-специфическими?

Дидактический уровень. Нужно ли преподавать школьникам упрощенные понятия, или следует, насколько возможно, приближаться к научному определению?

Все эти философские и логические вопросы довольно сложны и не могут быть подробно освещены в одной статье, но обойти их при обсуждении «школьной» и научной терминологии невозможно. Нужно хотя бы коротко коснуться их.

Дискуссия о «правильности имен» идет от диалога Платона «Кратил». В диалоге сталкиваются две теории имен: «по природе» и «по установлению». Теорию имен «по природе» можно понимать двояко:

- имена суть природные отображения вещей, подобно отражениям вещей в воде (мнение Кратила);
- имена не природны, а искусственны и соответствуют вещам подобно живописи или скульптуре.

Если же имена даются «по установлению», то либо по договору между всеми (мнение Гермогена), либо «по закону творцом имен» (мнение Сократа). Сократ в диалоге говорит, что законодатель устанавливает имена, соотносясь с природой вещей. Платоновский Сократ привел собеседников к компромиссному решению, по сути, соединив теории «по природе» и «по установлению».

Мне более верным кажется мнение Гермогена. Поясню эту позицию примерами. Все термины, начиная от слова «философия», кончая словом «волк», появились в результате договора. В случае со словом «философия» этот договор совершался явно: по преданию, Пифагор первым предложил термин [4, с. 66] и начал дискуссию о его употреблении. Сначала ученики Пифагора присоединились к договору о термине, затем и другие греки, и иные народы стали употреблять это слово более или менее одинаково. Многие мыслители понимают сущность философии по-своему и, по сути, заключают с читателями новый договор об этом термине. Со словом «волк» все и

сложнее, и проще. Сложнее, потому что нельзя установить сам момент договора¹. Проще, потому что это понятие четкое, легко определяется наглядно, и любой ребенок легко усваивает его.

Все термины языка произвольны в том смысле, что любое слово в принципе может успешно обозначать любое понятие, если оговорить его значение. С другой стороны, термины – не полный произвол: каждый язык располагает своим материалом, системными взаимосвязями и т.д. Такие взаимосвязи называются мотивацией слова. В лингвистике принято выделять фонетическую, морфологическую и семантическую мотивацию [2, с. 33-36]. Звукоподражательные слова фонетически мотивированы. Производные слова с аффиксами называются морфологически мотивированными. Например, глагольная основа *teach* + суффикс деятеля *-er* = *teacher*. Сложные слова называют семантически мотивированными: *head* + *teacher* = *headteacher*. В этом смысле термины языка произвольны.

Прибавляет ли знание языка что-нибудь к нашим знаниям о мире? Австрийский философ и логик Р. Карнап уделял большое внимание делению суждений на синтетические и аналитические, имея в виду, что истинные синтетические суждения выражают эмпирические знания, а аналитические суждения – знания о конвенциях языка или законы логики. Предложение «Джордж Вашингтон есть Джордж Вашингтон» аналитически (логически) истинно в силу логического закона тождества. Предложение «Ни один холостяк не женат» аналитически истинно в силу конвенций языка. «Холостяк» в русском и английском языках означает «неженатый мужчина». Синтетические суждения, например, «Вчера был дождливый день» выражают научные факты и всегда требуют эмпирической проверки [6, с. 339-360]. Априорные, аналитические знания можно назвать языковыми, а апостериорные, синтетические – внеязыковыми. Язык сам по себе, говорил Бертран Рассел, не содержит знания, кроме «той великой истины, что в 1 ярде 3 фута».

Многие философы от Гераклита до С. Н. Булгакова не были согласны с этим. По их мнению, слова являются ключом к знаниям. С этим можно согласиться лишь отчасти. Некоторые слова отражают в своей структуре, своей этимологии существенные признаки понятий. Это подтверждают многочисленные примеры мотивированных слов. Но чаще естественный язык закрепляет в словах не объективно существенные, а субъективно важные для человека признаки предметов.

В русских названиях грибов (подберезовик, подосиновик, боровик, опенок) характерным признаком является место их произрастания. Это место и есть интуитивный дифференциальный признак, образующий языковые концепты «опенок» и «подберезовик». Биолог возразит, что важнейший различительный признак этих грибов другой: опенок – это пластинчатый гриб, а подберезовик – губчатый. Поэтому психолингвисты, логики и культурологи концентрируют внимание на различных видах признаков. Человек выбирает наиболее характерные, бросающиеся в глаза признаки, до которых ему «больше всего дела», как говорил философ Локк. Именно на их основании

¹ Слово «волк» имеет параллели в большинстве индоевропейских языков: английском, древнеперсидском, готском и др. Это слово принадлежит к древнейшему слою европейской лексики. Но установить, откуда произошло само слово, невозможно. Также невозможно проверить достоверность гипотез о происхождении самого языка. Существует «гипотеза трудовых выкриков», «звукоподражательная гипотеза», «теория междометий» и др.

человек создает новые понятия. В Африке есть языки, в которых для несъедобных плодов нет отдельных слов, т. е. язык не образовал отдельных концептов для субъективно малозначимых предметов. Можно привести еще множество примеров, показывающих, насколько важен «культурный компонент» значения слова.

К сожалению, этот «культурный компонент» не всегда отражается в словарях, между тем иногда это необходимо, особенно для учебных словарей. Например, необходимо указывать, что желтый цвет в Японии – это символ императора, а также что это цвет американских такси, что коричневый цвет в США не всегда желателен в одежде, красный цвет в Индии – цвет свадебного платья и т.д. Знание этого обеспечивает языковую, коммуникативную компетенцию учащихся.

Слово действительно может служить ключом к знанию, к истории и культуре народа, но это именно ключ к культуре, а не к вечной объективной истине. Проиллюстрируем тезис примерами из русского языка, приводимыми А. А. Реформатским. Река Десна – это левый приток Днепра. Но по древнеславянски «одесную» значит «справа». Это означает, что славяне шли против течения Днепра, так что Десна была справа.

Звуки [дн] в названиях Дон, Днепр, Днестр, Дунай восходят к скифскому (и современному осетинскому) слову «дон» – «вода», «река». Эти названия показывают зону расселения скифов в дописьменную эпоху [9, с. 70].

Внутренняя форма слова все же содержит больше загадок, чем решений. Слово «Бог» в различных индоевропейских языках произошло от разных корней:

Языки	Форма слова	Этимон	Корень
Славянские	бог bog (польск.) bŭh (чешск.)	<i>bhagas</i> – «наделяющий» (санскрит)	<i>baga</i> – «достояние, счастье» ² .
Германские	god (англ.) guþ (готск.) got (древне-верхненем.)	<i>ghut</i> – «призванный» (санскрит)	<i>gheu</i> – «взывать, молить».
Латинский	deus	<i>deva</i> – «богиня», <i>devi</i> – «сияющий» (санскрит)	<i>dei</i> – «сиять», ср. русск. «день», англ. day, лат. dei ³ .
Греческий	θεός	То же	То же

Это значит, что слова «Бог» или *god* не такие древние, как, например, «солнце», «волк» или «день». На основании таких данных можно выдвинуть две культурологические гипотезы: 1. Деистические формы религии появились позднее, чем поклонение природным стихиям и животным. 2. Истинное имя Бога было табуировано, и вместо него использовались эвфе-

² Таким образом, слово «Бог» происходит от слова «богатство», а не наоборот.

³ См.: www.etymon.com

мизмы, это не единственный случай в индоевропейских языках⁴. Вот примеры комплексного лингвокультурологического подхода к языковому материалу.

Но как отделить избыточную культурную или энциклопедическую информацию от чисто языковой и совершенно необходимой в коммуникации? Насколько далеко должно заходить определение, чтобы быть исчерпывающим? Американский лингвист Л. Блумфилд утверждал, что «значение слова вообще не может быть проанализировано в рамках нашей науки» [Блумфилд, 1968, цит. по: 1, с. 102]. Он считал, что значение слова «золото» – предмет химии, значение слова «Луна» – астрономии и т.д. Большинство лингвистов занимают не столь радикальную позицию, но энциклопедические сведения, как правило, исключаются из учебных словарей. Например, сыр, по определению английского учебного словаря *Macmillan*, – это «твердая пища, приготовляемая из молока». Составители словаря особо подчеркивают, что во всех дефинициях используется только 2500 слов. Такие слова, как «сыворожка», «свертывание» или «творожистая масса» исключены из определения. Возможно, приведенное определение сыра слишком упрощенно и попросту неполно. Интересно, что «сыр» по-английски – *cheese*, а «творог» – *cottage cheese*. В каком-то смысле можно сказать, что в англоязычной культуре творог рассматривается как особый вид сыра. Этот пример еще раз показывает, насколько важен «культурный компонент» языка. Отдавая должное составителям словаря *Macmillan*, нужно сказать, что в некоторых случаях в него внесена важная культурологическая информация. Такой подход все больше распространяется в мировой лексикографии.

Возникает вопрос: до какой степени можно упрощать определения, не примитивизируя и не искажая сами понятия? Упрощению подвергаются не только житейские понятия, но и научные термины. Разберем, казалось бы, простые лингвистические понятия: «слово», «предложение», «часть речи».

Можно привести внушительный список классиков лингвистики, которые считали, что дать определение понятию «слово» вообще невозможно. Это Ф. де Соссюр, Ш. Балли, Э. Сепир, Г. Глисон, Л. В. Щерба и др.⁵. Действительно, любое из существующих определений слова на проверку оказывается либо слишком узким, либо слишком широким. Классик британской лингвистики Г. Суит определял слово как «минимальное предложение». Но не все слова могут функционировать как отдельные предложения. Многие служебные слова не подпадают под эту формулировку. Другой английский лингвист Дж. Лайонз подчеркивал, что слово отличается мобильностью внутри предложения, семантическим единством и морфологической неделимостью [16, с. 203]. Но в таком случае словами объявляется большинство идиоматических выражений. Э. Сепир пытался дать другое определение: «Первое наше побуждение – определить слово как языковой символ, соответствующий отдельному значению. Но ...такое определение никуда не годится» [11, с. 49]. Он легко показывает далее, что никакое слово не несет в себе

⁴ В отечественной литературе примерами древнейших табу часто служили слова «медведь» и «змея» [9, с. 105; 12, с. 168, 169]. Понятие бога не разбиралось.

⁵ Видимо, этих авторов имела в виду И. П. Иванова, говоря, что «термин “слово” подвергся незаслуженному остракизму» [5, с. 5]. Мы покажем, что такой «остракизм» оправдан.

«отдельного» значения, но сразу несколько значений – лексическое, грамматическое комбинаторное и т. п. «Школьное» определение из словаря *Macmillan* таково: «Слово – отдельная устная или письменная единица языка». Ясно, что оно слишком широкое – в него включены знаки препинания и другие невербальные знаки.

Другой английский словарь (*Collins*) дает очень показательную формулировку этого понятия: «Слово – термин, которым непрофессионалы склонны обозначать минимальную, неделимую значимую единицу языка. Лингвисты же называют такой минимальной единицей морфему». Мы видим, что первый словарь избавляет студента не только от трудностей перевода, но от необходимости дискуссии. В средней школе такой подход, видимо, оправдан, то же касается иностранных студентов, на которых прежде всего рассчитан словарь *Macmillan*, но такими упрощениями не следует злоупотреблять.

Второе базовое школьное лингвистическое понятие – это «часть речи». Первая классификация частей речи греческого языка принадлежит александрийскому грамматiku Аристарху Самофракийскому (II в. до н. э.). Сам термин *partes orationis* окончательно утвердился в латинской грамматике и применяется в школьной практике до сих пор, хотя в англоязычных странах часто используется термин *word class*. Он более удачен, так как подчеркивает логическое единство каждого разряда слов. А. И. Смирницкий ввел термин «лексико-грамматические разряды слов», который также удачнее традиционного, поскольку эти разряды принадлежат не «речи» в соскоровском смысле, а «языку-как-системе». Но главная проблема здесь не в термине, а в невозможности последовательно классифицировать слова по частям речи. Традиционно выделяются три критерия частей речи: семантический, морфологический и синтаксический. Но в общепринятой классификации не все три критерия выдерживаются последовательно. В статье 1928 г. Л. В. Щерба не выделял местоимения в отдельную часть речи в силу их морфологической и синтаксической разнородности [14]. Порядковые числительные он называл «порядковыми прилагательными», о причастиях говорил, что они «потеряли глагольность», их можно назвать глагольными прилагательными. В той же статье Л. В. Щерба впервые говорит о «словах категории состояния» или «предикативных наречиях». Любая классификация частей речи в конце концов оказывается непоследовательной или слишком усложненной. Лингвисты смирились с этим и в последнее время не предпринимают новых попыток. Школьникам и в этом случае преподается облегченная трактовка термина.

Наконец, третий базовый термин лингвистики – «предложение». Школьная формулировка: «Предложение выражает законченную мысль» – недостаточна хотя бы потому, что не включает неполные предложения. Определение «Предложение – высказывание, содержащее предикативную синтагму» [9, с. 332] включает понятие предикации, которое автор разъясняет чуть раньше [9, с. 327]: «Через категорию времени речь связывается со своим содержанием, а через категорию наклонения – со своей целевой установкой (модальностью)». Однако именные предложения, например, «Пожар в гостинице», неопределенны по времени, выяснить, потушен ли пожар или еще продолжается, можно только по контексту. Понятие предикации обяза-

тельно использовать в определении предложения. Более важным мне представляется понятие коммуникации. Именно такое, «коммуникативное» определение содержится в словаре *Macmillan*: «Группа слов, выражающая утверждение / сообщение, вопрос или побуждение». Указание на коммуникативную направленность предложения совершенно необходимо. Слово «ночь» отличается от предложения «Ночь» тем, в первом случае это именование, а во втором – сообщение. Перед нами случай, когда «учебное» определение в некотором смысле оказалось вернее научного.

На примере только трех базовых лингвистических понятий мы увидели, как сильно могут отличаться их «школьная» и научная трактовки.

Некоторые зарубежные авторы прямо называют традиционную грамматику «догматичной» и «устаревшей» [7, с. 2]. Но, расставаясь со старыми догмами, надо четко осознавать, где речь идет только о терминах, а где о принципе. Например, название времени английского глагола Present Continuous или Present Progressive непринципиально. Но некорректно говорить о том, что «английский глагол может сочетать в себе формы продолженного и совершенного видов» [7, с. 241]. Это равносильно утверждению, что русское существительное может стоять в именительном и винительном падежах одновременно. Корректнее сказать, что категории «развития» (progress) и завершенности (perfect) – две различные категории английского глагола. Подобные разграничения часто кажутся студентам слишком педантичными. На мой взгляд, это не так. Помогая студентам разобраться в подобных «тонкостях», мы учим их мыслить, «делаем прививку» от догматизма и узости взглядов.

Литература

1. **Апресян, Ю. Д.** Очерки по современной структурной лингвистике / Ю. Д. Апресян. – М.: Просвещение, 1966. – 304 с.
2. **Арнольд, И. В.** Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – М.: Высшая школа, 1986. – 296 с.
3. **Блумфилд, Л.** Язык / Л. Блумфилд. – М.: Изд-во иностр. лит., 1968. – 607 с.
4. **Диоген Лаэртский.** О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Диоген Лаэртский. – М.: Мысль, 1979. – 620 с.
5. **Иванова, И. П.** Теоретическая грамматика современного английского языка. / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
6. **Карнап, Р.** Философские основания физики / Р. Карнап. – М.: Прогресс, 1971. – 390 с.
7. **Клоуз, Р. А.** Справочник по грамматике для изучающих английский язык: пособие для учителя / Р. А. Клоуз. – М.: Просвещение, 1979. – 352 с.
8. **Локк, Дж.** Опыты о человеческом разумении / Дж. Локк // Соч.: в 3 т. – М.: Мысль, 1985. – Т. 1. – 621 с.
9. **Реформатский, А. А.** Введение в языковедение / А. А. Реформатский / под ред. В. А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
10. **Платон.** Кратил / Платон // Соч. – М.: Мысль, 1968. – Т.1. – С. 413-491.
11. **Сепир, Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 658 с.
12. **Степанов, Ю. С.** Введение в общее языкознание / Ю. С. Степанов. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.

